

Безмолвная нежность

Однажды, проходя по одной из улиц, люди из Павильона Темного Дождя оказались зажаты в толпе, собравшейся поглазеть на непристойное представление. Какая-то труппа, невесть откуда взявшаяся, разыгрывала разнузданную сценку, явно провоцируя власти. Спутникам Шангуань Цюэ пришлось досмотреть действие до середины.

В ту ночь Владыка Павильона пришёл к Хань Линю.

Того бил лёгкий озноб. Опираясь на руки, он приподнялся на кровати и спросил, в чём дело. Шангуань Цюэ в ответ лишь улыбнулся.

Эта утончённая, тихая улыбка на его прекрасном, почти до жестокости, лице выглядела до странного неуместно. В прошлый раз мягкий свет лампы скрадывал это ощущение, но сейчас, в холодном свете зимней луны, лишённая всяких прикрас, она явила свою истинную суть.

Хань Линь догадывался, что означала эта улыбка. Представление так разгорячило их спутников, что вечером, остановившись на постоялом дворе, многие гурьбой отправились в весёлый квартал. Соседи вернулись совсем недавно, и их громкий смех разбудил юношу.

Его тоже звали, но он ещё не забыл пощёчину старшего брата — щека только-только перестала болеть, — а потому отказался.

Впрочем, он и раньше отказывался. Тогда он ещё надеялся, что Хуа Цзянься вернётся, и хранил ей верность, не прикасаясь к другим женщинам. Но теперь не стоило и мечтать о её возвращении. Покинув Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя, она ушла из цзянху, и он даже не знал, где её искать. Иллюзии рассыпались от малейшего прикосновения.

Хань Линь был человеком традиционных взглядов, с сильным чувством ответственности, и всю жизнь следовал принципу благодарности за доброту. К тому же он чувствовал себя виноватым перед Шангуань Цюэ. Юноша повзрослел и, несмотря на внешнюю бесшабашность, чётко ощущал личные границы.

Будь на месте Шангуаня кто-то другой, даже Вань Миньюэ, Хань Линь никогда бы не согласился помочь ему таким образом. Впрочем, Вань Миньюэ предпочитал женщин, так что его помощь и не требовалась.

До событий на Снежной горе Вань Миньюэ в сердце Хань Линя стоял далеко позади наставника, Шангуаня и сестры. Но после тех трёх месяцев, когда тот спас ему жизнь, он стал четвёртым в этом списке.

Сейчас Хань Линь был один и не думал о новых отношениях. Он просто хотел помочь старшему брату. Да, было немного больно.

Прозвище «зайчик» было оскорбительным. Шангуань Цюэ был его самым близким старшим братом. И даже если тот любил мужчин, он всё равно оставался для него самым родным человеком. Хань Линь никогда бы не стал его презирать, но другие могли. В Павильоне Темного Дождя поступки Шангуань Цюэ и так вызывали споры, и если бы слухи об этом распространились, это лишь дало бы повод для новых пересудов.

Тем более что Владыка был слишком красив для мужчины и никогда не интересовался женщинами. На самом деле подобные слухи уже давно ходили за его спиной. Шангуань Цюэ не был глупцом и не стал бы доверять решение своих физиологических проблем кому попало.

— Ты сегодня пил лекарство? — спросил Шангуань Цюэ.

Хань Линь кивнул и, преодолевая головокружение, сел, развязывая пояс. Он сказал, что узелок с вещами висит в изголовье, там ещё осталась половина баночки конской мази. Попросил только действовать потише — стены у постоянного двора тонкие, а в соседней комнате свои.

Потом это повторялось ещё много раз.

Возможно, из-за простуды Хань Линя постоянно клонило в сон. Процесс всегда был долгим, и, привыкнув к боли от проникновения, он терял ясность сознания.

Каждый раз лишь тихий шёпот Шангуань Цюэ у самого уха возвращал его к действительности. Он встряхивал отяжелевшей головой и бессознательно отвечал:

— Я в порядке.

Но этот шёпот, касаясь ушной раковины, обдавал её горячим и щекочущим дыханием. Юноша невольно сжимался, и мышцы внизу сокращались в такт. Его поясница, и без того ослабевшая, окончательно теряла опору, и всё тело обмякало, растекаясь по постели.

Если бы это случилось раньше, такая настойчивость со стороны Шангуань Цюэ пробудила бы в Хань Лине иные мысли.

На самом деле после первого раза, хоть юноша и не подавал виду, в душе у него остался осадок. Прежде, вдохнув дым с афродизиак, он немедленно потребовал бы привести ему девушку из весёлого квартала. Но тогда его первой мыслью было обнять Шангуань Цюэ.

Вспоминая об этом сейчас, Хань Линь был готов проклинать себя, отвесить себе пощёчину. Старший брат доверился ему, решился на такой шаг, а он в глубине души позволил себе презрительно счесть его за человека, способного на подобные поступки с кем угодно.

К счастью, звонкая пощёчина Шангуань Цюэ отрезвила его. Это было предостережение старшего брата, которое развеяло все его ненужные сомнения и дурные мысли.

В последующие разы Шангуань был добр к нему, не обращался с ним как с вещью для удовлетворения похоти. Он был осторожен, чтобы не причинить боли, всегда подкладывал под поясницу мягкую подушку и даже пытался найти положение, в котором Хань Линю было бы приятно. И каждый раз перед началом он клал под язык мятную пастилку.

Через несколько раз боль ушла. Но, возможно, из-за затянувшейся простуды, каждый раз, когда старший брат нависал над ним, он всё равно чувствовал какую-то тяжесть на сердце.

Отряд на несколько дней остановился в Лояне. Шангуань Цюэ отправился в Павильон Светильника, чтобы выслушать отчёт заместителя Владыки, И Утун.

Они были в хороших отношениях, и она была его доверенным лицом. Многое они понимали без слов, и хотя дел было много, отчёт был кратким.

Когда разговор подходил к концу, за дверью послышались звуки флейты.

Мелодия не была печальной. Искусный исполнитель вплетал в неё сладкие, торопливые нотки, и она, плавно разливаясь, проникала в комнату сквозь щели в окнах и дверях. На её вечно печальном лице проступило тёплое выражение.

Владыка усмехнулся и, слегка приподняв взгляд, спросил:

— Вы с Шао Ланьтином договорились?

И Утун тут же вернула лицу прежнее выражение:

— Всё ещё обсуждаем. Он адвокат, знает, как загнать меня в угол.

— Он знает, — спросил Шангуань Цюэ, — про тебя и Тун Линлин?

— Он не хочет верить. — Женщина догадалась, что Владыка размышляет о том, как её личная жизнь может повлиять на Павильон — в конце концов, это не слишком благовидно. — Он всё время спрашивает, можем ли мы остаться друзьями. — В её голосе прозвучала лёгкая насмешка. — Держит меня за дуру. Неужели я не понимаю, что у него на уме?

— Ради ваших отношений он многим пожертвовал. Кое-что из этого он уже никогда не вернёт,

— внезапно поднял ресницы Шангуань Цюэ.

Только тогда И Утун поняла, что мужчина действительно слушает её жалобы. Подумав, она сказала:

— Даже если бы у него ничего не было на уме, друзьями мы бы всё равно не остались. Мы столько времени делили постель, делали всё, что только можно. Сохранять обычные отношения? Кто такое выдержит? От одной мысли о последствиях становится тошно.

Шангуань Цюэ снова опустил глаза.

— Я видел его несколько раз. Несмотря на свой живой нрав, он человек осторожный. Принимая тогда решение, он, должно быть, был в нём уверен.

Но даже самые уверенные решения когда-нибудь приводят к концу. Просто никто не ожидал, что их конец наступит так скоро.

Слова Владыки прозвучали отстранённо и туманно, и И Утун не уловила их смысла. Хотя у них и были свои дела, Шангуань Цюэ был хорошим руководителем и обычно не лез в чужую жизнь. Сегодняшнее его поведение было ей непонятно.

Она считала себя неплохим знатоком людей. Она ясно видела, что Вань Миньюэ — такой же, как она: эгоистичный и холодный, как лёд, всегда думающий в первую очередь о себе. Хань Линь и Шао Ланьтин были другими — они горели, как огонь, яростно и жарко, словно стремясь сжечь все преграды. С такими людьми ей было труднее всего.

Но Шангуань Цюэ она разгадать не могла. Людей, которые имели всё, почти всё потеряли, а затем снова обрели славу, всегда было труднее всего понять.

Впрочем, ей и не нужно было проникать в его мысли. Хань Линь понимал его меньше всех, но оставался рядом с ним дольше кого-либо.

Тем временем мелодия подходила к концу, и в ней зазвучали нетерпеливые нотки.

Она собралась с мыслями и перешла к последнему делу:

— Вчера глава семьи Гу из Гусу прислал гонца. Всё с тем же предложением о зяте. Говорит, что заместитель Владыки Павильона Хань тоже подойдёт. Кажется, госпожа Гу проявила интерес.

Шангуань Цюэ не изменился в лице. Он по-прежнему смотрел на лежавшие перед ним рецепты, и от этого на его левом веке стала видна крошечная чёрная родинка. Его тёмные

глаза под длинными ресницами казались бездонными.

Проработав с ним полгода, И Утун знала, что означает такой вид. Полное безразличие. Угроза была слишком незначительной, чтобы он обратил на неё внимание.

— Я найду подходящий предлог, чтобы отказать от имени заместителя Владыки Павильона, — сказала она.

Изначально они планировали двигаться на север, в столицу, чтобы проверить, как там идут дела с обустройством Павильона. Но в землях Шу внезапно возникли проблемы, и Шангуань Цюэ пришлось лично отправиться туда, чтобы навести порядок. Как раз в это время в Сянси шайка разбойников ограбила несколько сундуков с золотом и серебром, принадлежавших Павильону. Хань Линь вызвался отправиться в Сянси, и их пути разошлись.

Дела в Чуань-Шу не терпели отлагательств, и Владыка уезжал в спешке. В ночь перед отъездом, после их близости, Хань Линь, поднявшись с кровати, помогал ему собирать вещи.

Шангуань Цюэ мыл руки в медном тазу. Белесые струйки скользили по его пальцам, а в отражении на воде ещё виднелись следы недавней страсти. Его опущенные веки хранили томную негу.

— Может, поручишь дело в Сянси кому-нибудь другому и поедешь со мной в Чуань-Шу? — спросил он Хань Линя. — Твоё здоровье меня беспокоит.

Хань Линь тут же вскочил, уверяя, что с ним всё в порядке, что он здоров как бык и может прыгнуть на три чи выше головы.

С июля прошлого года он постоянно находился под чьим-то присмотром: в тюрьме, на постели, рядом с Шангуань Цюэ. Чтобы стабилизировать его состояние после ранения, Владыка запретил сообщать ему о многих делах в Павильоне. Ему приходилось всё выведывать самому. За эти полгода он извёлся от безделья и жаждал вырваться на волю, размять кулаки и проветриться.

Шангуань Цюэ поднял глаза, посмотрел на умоляющее лицо юноши, с улыбкой покачал головой и уступил:

— Хорошо, поезжай.

Вытерев руки, он подошёл к столу и что-то написал на листе бумаги. Отложив кисть, он протянул бумагу Хань Линю, а сам сел на край кровати и принялся переключивать одежду, которую тот сложил кое-как.

Хань Линю стало неловко. Он-то привык к беспорядку, а вот его старший брат был педантом. Делать было нечего, и он стал разглядывать бумагу. На ней было перечислено множество незнакомых ему названий лекарств.

Шангуань Цюэ, не поднимая глаз от одежды, объяснил:

— У меня нет времени подготовить всё для тебя. Перед отъездом зайди в аптеку семьи Шангуань в Лояне, отдай этот список аптекарю и купи по несколько баночек каждой мази. В Сянси густые леса, много насекомых, змей и ядовитых испарений. Будь осторожен.

Хань Линь кивнул:

— А то лекарство от простуды, что ты мне прописывал? Оно здесь есть?

— С тобой в Сянси поедет человек, сведущий в медицине. Я отдал ему рецепт. В то лекарство добавлены снотворные травы, чтобы ты больше отдыхал. За два дня до дела не принимай его. Я завтра утром поговорю с ним об этом подробно, тебе не о чем беспокоиться. Просто помни: когда он даёт тебе лекарство, пей и не упрямясь.

Шангуань Цюэ всё устроил так, что не оставалось ни единой лазейки. Будь у Хань Линя пушистые уши, они бы сейчас поникли. Он нехотя промычал в ответ.

Владыка, услышав это, лишь улыбнулся:

— Скажи, что запомнил.

Хань Линь раскинул руки и плюхнулся на кровать старшего брата:

— Я запомнил, — послушно сказал он.

Проявив твёрдость, Шангуань Цюэ довольно быстро навёл порядок в Чуань-Шу.

В те дни в Цзиньчэне все разговоры так или иначе касались Павильона Темного Дождя.

Мянь Сяося, слушая донесения шпионов о количестве людей, казнённых Шангуань Цюэ в назидание другим, невольно ахнула.

Люди не верят в опасность, пока не увидят гроб. Неужели эти смутьяны из Павильона всерьёз думали, что новый Владыка, сумевший в хаосе возродить Павильон и тут же наладивший связи

с двором, будет мягкосердечным?

Разобравшись с делами, Шангуань Цюэ написал Хань Линю, велев ему после Сянси приехать в Цзиньчэн на лечение.

Отправив письмо, Владыка принял одну просьбу от семьи Бай из Цзинчжоу.

В глухой горной местности один из подчинённых с сомнением спросил:

— Неужели эта семья действительно просит Владыку выступить в роли переговорщика, чтобы вернуть их сына? За кого они его принимают?

Этого человека Шангуань Цюэ отправил сюда два года назад. Его задачей было лишь записывать передвижения людей и время от времени отправлять отчёты. Работа была скучной, но Владыка платил ему вдвойне. Он и подумать не мог, что тот молодой человек, которого он видел тогда, теперь станет главой Павильона Темного Дождя.

Шангуань Цюэ с улыбкой покачал головой, успокаивая его:

— Ничего страшного, я всё равно свободен. Когда я сегодня спущусь с горы, ты поедешь со мной в Цзиньчэн. Твоя работа здесь, похоже, закончена.

Мужчина и так искал предлог, чтобы встретиться с тем юношей, а родственники Бай Мэна как раз дали ему этот шанс. К тому же он мог заручиться их благодарностью.

А благодарность семьи Бай из Цзинчжоу могла пригодиться.

Древний особняк одиноко стоял на вершине горы, окружённый стеной из синего кирпича. У подножия стены рос ряд олеандров. Поздней весной на юге они цвели пышно и ярко, плотно обступая это странное жилище.

Вопреки рассказам семьи, Бай Мэн — юноша с белоснежной кожей, волосами и серо-голубыми глазами — не проявил агрессии. Он с первой же встречи попытался применить на Шангуань Цюэ Технику Пленения Души, но безуспешно. После этого хозяин дома даже пригласил гостя пройти мимо слуг-марионеток в деревянный павильон на чай.

— Из школы Линьси? — спросил прекрасный юноша.

Брат и сестра из рода Лю вступали в брак на протяжении семи поколений, и все они были обычного вида. Лю Янь, овладев Техникой Пленения Души, пленила Бай Фэна и нарушила семейный запрет, родив ребёнка от чужака. Но она не учла, что скрытый риск альбинизма, накопившийся в роду Лю за поколения кровосмесительных браков, проявился в её сыне от

чужеземца — Бай Мэне.

Шангуань Цюэ кивнул. В юности Хань Линь спрашивал у него совета, как лучше применять технику Линьси, противостоящую ментальным атакам. Владыка счёл её полезной и запомнил. Теперь он применил её, и потому юноша ничего не смог с ним сделать.

Серо-голубые глаза некоторое время изучали лицо мужчины, затем переместились на павильон на склоне горы:

— Они знают, как действовать. Знали, что мне нравятся красивые люди, и прислали такого, как ты. Но как бы ты ни был красив, я не поеду в Цзинчжоу. Уходи. Если я нанесу удар, ты не выдержишь. — Бай Мэн скользнул взглядом по Шангуань Цюэ. — Ты пришёл ко мне один и без оружия. Какая смелость.

— Я пришёл не для того, чтобы драться с господином Баем, — Шангуань Цюэ проследил за его взглядом. — Кажется, ты чем-то опечален. Думаешь о Сун Сюане?

Юноша резко обернулся, нахмурившись:

— Кто ты такой?

Семья Бай из Цзинчжоу ничего не знала о его связи с Сун Сюанем.

— Я переговорщик, нанятый семьёй Бай. В Чанъани я несколько раз встречался с Сун Сюанем и знаю его характер, — сказал Шангуань Цюэ. — Ехать в Цзинчжоу или нет — решать тебе. Но почему бы не рассказать мне, что произошло между вами прошлым летом? Возможно, у вас с Сун Сюанем ещё есть шанс.

При упоминании гостя сердце Бай Мэна смягчилось. Подумав, он рассказал всё, что случилось прошлым летом.

Сун Сюань приехал сюда на лето. Поднимаясь на гору, он увидел Бай Мэна в платье матери и принял его за девушку. После этого молодой человек много раз приходил, чтобы поговорить с ним. Позже хозяин признался, что он мужчина, но гость, к его удивлению, сказал, что ему всё равно. Бай Мэн не поверил. Перед отъездом Сун Сюань сказал, что собирается рассказать об их отношениях своей бабушке. Бай Мэн испугался и силой удержал его с помощью Техники Пленения Души. Однажды в постели он ослабил контроль, и Сун Сюань, воспользовавшись моментом, полоснул его ножом по горлу и сбежал.

Юноша распахнул воротник. На его белоснежной, как нефрит, груди виднелся уродливый длинный шрам — след от смертельного удара.

— На самом деле то, что я выжил и каждый день так мучаюсь... лучше бы он тогда меня убил.

Шангуань Цюэ, вращая в длинных пальцах фарфоровую чашку, опустил глаза:

— Если бы господин Бай умер прошлым летом, он бы так и не узнал, что действительно нравился ему.

Затем он посмотрел на павильон вдали и изложил свой план:

— Сун Сюань — старший внук в семье Сун. Эта история не делает ему чести, поэтому они не станут поднимать шум. Тебе нужна опора, покровитель, происхождение, которое заставит людей трепетать. Тогда семья Сун не посмеет причинить тебе вреда.

Бай Мэн понял, что тот намекает на возвращение в семью Бай:

— В конце концов, ты просто ищешь предлог, чтобы я вернулся!

Шангуань Цюэ улыбнулся и продолжил:

— Тебе нужно выбрать момент, когда вся семья Сун будет в сборе, и желательно, чтобы Сун Сюань тоже был там. Я помогу тебе с этим. Когда ты приедешь в дом Бай, я в подходящее время пришлю тебе весточку. Не волнуйся, Сун Сюань не станет тебя отрицать и не расскажет о Технике Пленения Души. Он к тебе равнодушен. Перед всеми скажи лишь, что у вас были отношения. Не вдавайся в подробности. В нужный момент покажи старой госпоже Сун вырезанные им на твоей ноге иероглифы, предъяви нефритовую подвеску в качестве доказательства, и он не сможет отпереться. Главное — остаться. С Сун Сюанем будь помягче. И постарайся больше не использовать Технику Пленения Души. Семья Сун состоит в родстве с Павильоном Развеянных Цветов, они смогут выяснить, кто ты. Если ты не будешь её применять, Сун Сюань сможет утверждать, что ты исправился. А дальше действуй по обстоятельствам. Я встречался с ним несколько раз. Учитывая его характер, даже если он сначала не сможет тебя принять, в конце концов он всё равно защитит тебя, потому что ты ему нравишься. Если всё получится, ты останешься в семье Сун в Цзиньчэне, и семья Бай не сможет до тебя добраться. Если нет — с твоими боевыми навыками ты всегда сможешь вернуться сюда. Разве они смогут тебя остановить?

Бай Мэн долго размышлял, то и дело бросая взгляды на этого необыкновенного человека. Видя, как тот спокойно смотрит на павильон вдали, он решил, что можно попробовать. Затем, задумавшись о цели этого прекрасного незнакомца, он спросил:

— Ты ведь не просто их переговорщик?

— Я не обещал, что, вернувшись, ты не уйдёшь снова, — Шангуань Цюэ мягко улыбнулся. Весенний свет играл на его лице, пробиваясь сквозь бамбуковые шторы, и от этой улыбки кружилась голова. — К тому же цель моего визита не только в этом.

Бай Мэн отвёл взгляд:

— Ты пришёл за техниками?

— Верно.

Несмотря на слабую надежду, Шангуань Цюэ всё ещё искал вторую часть учения Культа Красного Вэй, которому его обучал Ао Чжунь. После долгих поисков он узнал, что сын Лю Янь живёт здесь, и послал людей следить за ним.

Он не ожидал, что его люди станут свидетелями визитов Сун Сюаня, его подъёмов на гору, жизни там, а затем — окровавленного и испуганного бегства. Вся эта странная история была подробно описана в отчёте. Прочитав его, Владыка догадался, что между ними что-то произошло, и заранее решил использовать это, чтобы подняться на гору и поискать ту книгу.

Мать юноши, Лю Янь, была защитницей Культа Красного Вэй и всю жизнь коллекционировала учения и техники. В павильоне у неё была целая библиотека, где на десятках полок хранились секреты боевых искусств.

Бай Мэн опустил глаза:

— Мама говорила не пускать посторонних в библиотеку.

Шангуань Цюэ улыбнулся, и в его голосе прозвучала искренность:

— Я пришёл один, без оружия. Если я задумаю что-то дурное, господин Бай сможет убить меня на месте.

Юноша немного подумал, ещё раз окинул взглядом его изысканный наряд, решил, что перед ним ученик Школы Линьси с не слишком высокими боевыми навыками, и успокоился:

— Следуй за мной.

Просмотрев все книги на полках, Владыка так и не нашёл вторую часть учения. Что ж, это было самонадеянно с его стороны. Как могла вторая часть учения главы Культа Красного Вэй попасть в руки защитницы? Если бы она и попала к Лю Янь, её мастерство было бы на совершенно ином уровне.

Бай Мэн был удивлён. Он уже приготовился убить этого человека на месте, если тот проявит корысть. Но Шангуань Цюэ, увидев все эти сокровища, не выказал ни малейшей жадности и не взял ни одной книги.

Заперев библиотеку, юноша повёл гостя обратно. Он написал письмо, в котором соглашался спуститься с горы и отправиться в Цзинчжоу, чтобы Владыка мог отчитаться о выполненном задании.

— Я видел у тебя здесь эротические картинки, но только с мужчинами и женщинами. Когда ты уезжаешь? Перед твоим отъездом я велю прислать тебе несколько книжек, которые могут пригодиться.

Бай Мэн прикинул, сколько времени уйдёт на то, чтобы убрать дом и марионеток, и назвал дату. Затем он надел белую шляпу с вуалью, проводил гостя до двери и, поразмыслив над его словами, спросил:

— Ты тоже?

В коридоре павильона не было свечей, и царил полумрак.

— Да, я тоже учусь, — раздался голос Шангуань Цюэ из темноты. — Пока не очень получается, но, думаю, уже лучше, чем раньше.

Юноша не знал, что Владыка лишь недавно познал вкус близости:

— Не похоже.

Из темноты донёсся смех мужчины:

— Господин Бай меня переоценивает.

Бай Мэн наконец задал мучивший его вопрос:

— Кто ты на самом деле?

— Если уж на то пошло, то такой же, как и ты, — человек, терзаемый любовью.

Услышав это, Бай Мэн резко обернулся и в свете, пробивающемся из-за двери, с недоумением оглядел Шангуань Цюэ с головы до ног. Он не мог поверить, что человек с такой внешностью может страдать от любви:

— И что же это за человек?

Владыка задумался:

— Его трудно описать. Если бы ты его увидел, он бы тебе тоже очень понравился.

Эта любовь так долго жила в его сердце, что иногда ему хотелось высказаться. Но он привык скрывать свои чувства, а самый доверенный человек был как раз тем, кому он не мог открыться. Сейчас перед этим незнакомым юношей ему представился удобный случай.

— Ты, такой красноречивый, не можешь найти слов, чтобы его описать?

Шангуань Цюэ снова улыбнулся:

— Господину Баю должно быть известно, что любовь — самое обманчивое чувство на свете. Я люблю его, и мне всегда кажется, что никаких, даже самых прекрасных слов, не хватит, чтобы его описать.

— Ты так красив, а он тебя не любит? — спросил Бай Мэн, открывая дверь.

В павильоне было темно, и они спускались по лестнице на ощупь. Внезапный яркий свет ослепил Шангуань Цюэ.

— Я и не хочу, чтобы он меня любил.

Бай Мэн подумал, что ослышался, и переспросил. Но этот высокий, прекрасный мужчина повторил свои слова тем же обыденным тоном, просто констатируя факт.

Предпочтения Хань Линя было легко угадать. Кроме пола, у Шангуань Цюэ было всё, что ему нравилось, и даже больше. При желании и проблеме с полом можно было решить. Но любовь — слишком хрупкое чувство. Шангуань Цюэ предпочитал более прочные отношения.

В двенадцать лет исчез наставник, давший ему знания. В семнадцать он едва не лишился всех своих боевых навыков. Кое-как дотянув до девятнадцати, он потерял всю свою школу. Всё, что он когда-то считал своим, исчезло. За все эти годы у него остался только Хань Линь. Но Владыка прекрасно понимал, что тот никогда ему не принадлежал.

Хань Линь не был тем, кто не мог бы без него обойтись. У него появятся другие друзья, он женится, родит детей, и в конце концов Шангуань Цюэ будет вытеснен из его жизни. Ведь в тот новогодний вечер, накануне его совершеннолетия, младшего брата едва не отняли у него.

Если бы он тогда смог сдержаться, всё прошло бы гладко. Но он не хотел сдерживаться. Он хотел обладать им, пусть даже лишь на мгновение, в одну из ночей, в объятиях друг друга.

— Не просишь его любви, — Бай Мэн остановился, его серо-голубые глаза смотрели на высокую спину Шангуань Цюэ. — Тогда почему бы тебе не попытаться заточить его?

Шангуань Цюэ тихо рассмеялся. Когда люди говорят о тех, кого любят, они всегда улыбаются. Он продолжал идти вперёд, и его голос донёсся с весенним ветром:

— Сломай ему ноги — и он потеряет всю свою прелесть.

Человек уровня Шангуань Цюэ не мог отдать свою любовь слабому узнику, жалкой игрушке, живущей в его тени. Даже Хань Линь смог пробиться к нему лишь в те полгода, когда Владыка был слабее всего. Позже мужчина был очень доволен им. Заточить Хань Линя было бы хуже, чем завести кошку или собаку.

Шангуань Цюэ любил Хань Линя, потому что Хань Линь был Хань Линем — тем младшим братом, с которым он годами мерился силами, тем заместителем Владыки Павильона, что был его правой рукой, тем Святым Клинка, чьё имя гремело по всей Поднебесной.

<http://bllate.org/book/15990/1501360>